

ЦИЦЕРОН И ЦЕЗАРЬ В ПОСЛЕВОЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В послевоенные годы в буржуазной исторической литературе уделялось большое внимание истории падения Римской республики и переходу к империи. Одной из характерных черт многих работ является уверенность авторов в том, что как общее положение Рима, так и отдельные деятели этого бурного времени имеют разительное сходство с современностью и современниками.

Вот, например, книга «автора многих трудов по политическим и юридическим вопросам» (как он охарактеризован в предисловии) судьи из штата Огайо, У и л к и н а, — «Вечный юрист»¹ с предисловием Лорда, издателя речей Цицерона в серии Лёба. Автор предисловия высоко оценивает книгу, особо рекомендуя ее вниманию читателя, который найдет в ней много параллелей с современностью и полезных предостережений. Судья Уилкин, по его словам, показал Цицерона с новой стороны, — не как политического оппортуниста, а как вечного борца за право и справедливость и, кроме того, как пророка, предостерегающего Америку XX в. от ошибок Рима I в. до н. э. «Не виной судьи Уилкина будет, если голос Цицерона окажется гласом вопиющего в пустыне», — заканчивает он. Сам судья начинает свою работу с утверждения, что все наиболее яркие эпохи в истории характеризовались борьбой за право и закон. Во время Цицерона эта борьба разыгрывалась на арене города-государства, в XVIII—XIX вв. — на арене национальной, в XX в. — на мировой.

Цицерон якобы всегда защищал обиженных, всегда готов был жертвовать собой. В качестве примера приводится его выступление за Секста Росция, которое, по мнению автора, было для Цицерона полно риска в условиях диктатуры Суллы (стр. 13), хотя на деле Цицерон в своей речи достаточно льстит Сулле, чтобы чувствовать себя в полной безопасности. Однако Уилкин считает, что в этом деле Цицерон проявил

¹ R. Wilkin, The eternal lawyer, N. Y., 1947.

мужество настоящего юриста, не боявшегося тирана. Затем он восхваляет Цицерона за то, что, посетив Грецию, тот понял всемирный, а не национальный характер ее культуры. Участие Цицерона в деле Верреса он также характеризует как яркий пример профессиональной смелости (стр. 46), хотя ни для современников, ни для потомков не было секретом, что в этом деле Цицерон выступал обвинителем вовсе не из идеальных соображений. Наконец, по поводу речи за закон Манилия Уилкин нехотя признается, что Цицерон действительно искал популярности, но сейчас же оговаривается, что эту популярность он хотел поставить на службу человечеству (стр. 64). Конечно, соглашается судья, закон Манилия вел к диктатуре и к войне, но диктатуру можно оправдать испорченностью сената, а войну — тем, что она должна была расширить границы мира и справедливости, создать мировую и мирную империю с равными нациями и индивидами, и только к чести Цицерона служит, что он не был пацифистом, не понимающим неизбежности войн (стр. 65). Так несколько неожиданно проговаривается американский судья, защитник «вечных прав» и «законов».

Далее следует панегирик Цицерону за разгром Катилины, заговор которого был «особенно опасен» в условиях появления многочисленных иностранцев среди римского плебса. Почему же «спаситель отечества» вдруг оказался в изгнании? Дело оказывается в том, что люди того времени, отвернувшись от закона, отвернулись и от законоведа (стр. 96). У борца за либерализм и конституционализм было мало шансов во время военных диктаторов, но «если гуманизм еще не исчез с лица земли, то это потому, что были и есть Цицероны, Катоны и Черчилли, которые имели достаточно мужества, чтобы восстать против Помпеев, Цезарей и Гитлеров» (стр. 99). Вот, значит, в чем причина восхищения Цицероном — это был «Черчилль античности».

Однако послушаем дальше. Казалось бы, по мнению «гуманного» судьи не могло бы существовать ничего общего между Цицероном — Черчиллем и Цезарем — Гитлером. Ничуть не бывало. Несколькими страницами дальше он пишет, что основной ошибкой Цицерона был отказ от попытки договориться с Цезарем: «если бы Цицерон вступил в союз с Цезарем, то соединение военного и юридического гениев спасло бы республику и ход истории изменился бы» (стр. 116). В общем, автор склонен одобрять Цезаря. Он считает его замечательным человеком, который сделал все возможное, чтобы «усмирить чернь», и потому Цицерон был вполне прав, примирившись с ним после гибели Помпея. Правда, республика погибла, но Цицерона утешало зрелище порядка, наведенного Цезарем. Тут же поучение для современников: учесть опыт Рима, обуздать «демагогов», не допускать развития «крайней демократии» (стр. 166). Автор считает, что, если бы Цезарь прожил немного дольше, он восстановил бы республику и Цицерон мог бы надеяться устроить «компромисс между Цезарем и свободой» (стр. 176). Но с Антонием Цицерон примириться не мог, так как у Антония не было ни величия духа, ни ума, ни образования Цезаря.

Книга заканчивается восхвалением Цицерона как философа, социолога и юриста. Главные его заслуги, по мнению автора, в том, что в философии он доказывал наличие разумного творческого начала во вселенной; в учении о государстве он создал современный конституционализм, борясь против крайней демократии и «государственного социализма» (стр. 221); наконец, в праве он утверждал вечные истины и идеалы, которые теперь отрицаются злонамеренными материалистами и марксистами (стр. 230).

Я более подробно остановилась на этой книге, конечно, гораздо более дающей для понимания идеологии современной Америки, чем истории древнего Рима, только потому, что она очень характерна для исторической литературы, выходящей в США. В ней соединены все ее характерные черты — модернизация, морализация, полная неспособность критически подойти к объекту своего восхищения и, главное, удивительнейшее смешение фактов, суждений, характеристик, лишь бы провести свои реакционные взгляды. Цезарь — «демагог и тиран», пока он выставляет демократическую программу; тот же Цезарь — великодушный гений, когда он «подавляет чернь». Цицерон — защитник сенаторской олигархии, политический интриган, оппортунист и трус, о котором Э н г е л ь с писал Марксу: «Более низкой канальи, чем этот молодец, не найти в среде простофиль с самого сотворения мира» (т. XXI, стр. 173), стано-

вится идеалом демократа и борца за свободу и справедливость. Политические симпатии и антипатии автора совершенно ослепляют его. Как мы увидим дальше, этот взгляд на историю характерен не только для судьи из Огайо, но, в большей или меньшей степени, и для профессиональных историков Америки и Европы.

Другая большая работа о Цицероне, вышедшая за последние годы в США, переведена с датского и принадлежит перу члена риксдага, делегата на конференции в Сан-Франциско в 1945 г. и профессора классической филологии Копенгагенского университета — Ф р и ш а¹.

Сам Фриш, переживший все ужасы гитлеровского господства в Дании и стоявший в оппозиции к нацистскому режиму, пишет в предисловии к своей книге, что в XIX в. господствовало увлечение личностью Цезаря и слишком строгий суд над Цицероном. Но после того, как XX век стал свидетелем уничтожения всех свобод, уважавшихся даже реакцией XIX в., естественно желание пересмотреть суждение о Цицероне — республиканце, парламентарии и публицисте. Конечно, он был слабохарактерен, не умел поладить с Цезарем, но «легче восхищаться демоническими натурами спустя 2000 лет, чем обращаться с ними при жизни» (стр. 15). Главную заслугу Цицерона автор видит в той смелости, с которой глубоко мирный Цицерон напал на атлетически сложенного, наделенного «бурбонским» подбородком быкоподобного Антония (стр. 139). Хотя боролся Цицерон с Антонием не кулаками, а словом, но автор почему-то придает большое значение этой разнице в физической силе.

Вся работа построена на разборе отдельных филиппик Цицерона с подробным освещением обстоятельств, при которых они были произнесены. Разбору филиппик предпослано введение с краткой характеристикой событий, предшествовавших началу борьбы Цицерона с Антонием. Заслугой автора надо признать то внимание, которое он уделяет роли аграрного вопроса во всей истории гражданских войн, однако он рассматривает эту проблему только с точки зрения интересов сенаторской знати. Так, останавливаясь на римском государственном устройстве в описании Полибия, автор задается вопросом, как могло существовать равновесие при наличии трибунского вето, и отвечает, что это происходило вследствие экономической зависимости населения от сената. Когда же население обнищало и перестало вести «дела», которыми распоряжались сенаторы, конституция погибла (стр. 19). Расшатала ее Гракхи, ответом на их движение была диктатура Суллы, и с тех пор не прекращались конфликты между сенатом, трибунами и армией, пока Август не примирил их между собой на базе соблюдения интересов сенаторов, которые, по мнению автора, в общем как землевладельцы даже выиграли от проскрипций (стр. 8—12). За такое разрешение аграрного вопроса автор высоко ценит Августа, противопоставляя его Цезарю, который не сумел учесть силы сената и примириться с ним (стр. 8 и 27—36). Если бы Цицерон с самого начала понял намерения Октавиана, он не погиб бы, так как безоговорочно поддерживал бы его все время.

Конечно, нельзя согласиться с мнением Фриша, что Октавиан с самого начала своей деятельности предвидел всю свою дальнейшую политику. Неверно и представление о том, что от проскрипций в конце концов выиграло сенаторское сословие в целом за счет италийских муниципиев. Конечно, многие сторонники Августа стали крупными землевладельцами, а концентрация земли продолжалась и после Августа, но нельзя отрицать, что проскрипции способствовали раздроблению крупного землевладения, что видно хотя бы из многочисленных надписей ветеранов Октавиана и Антония, получивших земли в Италии и провинциях и вошедших в состав муниципальной аристократии.

Автор подробно останавливается на событиях после смерти Цезаря, рисуя их с точки зрения продвижения Антония к единоличной диктаторской власти; Антоний, пишет он, играл на противоречиях цезарианцев и сената, не желая поэтому гибели тех или других (стр. 89). Но цезарианцев расколола невозможность удовлетворить

¹ H. F r i s c h, Cicero's fight for the republic. The historical background of Cicero's Philippics, 1946.

землей ветеранов, разгром движения Герофила, ссора Антония с Октавианом. Таким образом, ведущим лицом этого периода стал Цицерон (стр. 94). Вся его деятельность сводилась к тому, чтобы сделать невозможным соглашение с Антонием и, наоборот, укрепить союз с Октавианом. Его политика потерпела крах, когда сенат после битвы при Мутине вообразил, что разбит не только Антоний, но и все цезарианцы, и отказался от сотрудничества с Октавианом (стр. 292). Эта ошибка погубила и Цицерона, и республику.

Автор переоценивает, несомненно, искренность союза Цицерона с Октавианом, в котором обе стороны рассчитывали использовать друг друга для извлечения наибольшей выгоды, чтобы затем отделаться от ставшего ненужным «союзника». Тут сказались та же идеализация Цицерона, идущая рука об руку с идеализацией республики, особенно в ее до-гракховской форме, с полным экономическим и политическим преобладанием сената и с сочувствием к сенатской аристократии. Нечего говорить, что этот «республиканизм» по сути дела весьма реакционен.

Весьма любопытна новая работа известной американской античницы Л. Росс-Тайлор о партийной политике в век Цезаря¹. Хотя она начинает ее с неизбежной ссылки на сходство периода 70—50 гг. до н. э. с современностью, так как и тогда борьба партий будто бы неизбежно должна была кончиться «тоталитарной системой», она в дальнейшем не возвращается к аналогиям и дает ряд интересных материалов и наблюдений.

Автор характеризует «партии» оптиматов и популяров, присоединяясь к установившемуся теперь мнению, что эти «партии» ни в каком смысле не были похожи на партии современные. Она останавливается на значении слов «partes» и «factiones» и показывает, что последнее наименование приобрело одностороннее значение в смысле кучки олигархов, угнетающих народ (стр. 9). Популяры были не истинно народной партией, а группировкой внутри нобилитета; их лидеры обращались к народу, когда терпели неудачу в сенате, и все они, кроме Гракхов, больше думали о личной власти, чем о защите народа (стр. 21). Далее автор высказывает интересную мысль, что свою программу лидеры популяров проводили не во время предвыборных кампаний, а во время голосования законов на комициях (стр. 23). Автор характеризует организации внутри нобилитета, основанные на фамильных связях, клиентелле, amicitia и hospitium (стр. 36—43). Большое значение автор придает клиентелле, которая расширялась путем дарования римского гражданства, причем это иллюстрируется недавно найденной надписью, содержащей клятву италиков на верность Друзу (стр. 46). На таких связях строились отношения вождя и армии, причем полководец продолжал оставаться патроном и вышедших в отставку и наделенных землей ветеранов (стр. 47). Далее автор ставит весьма интересный вопрос об участии италиков в голосованиях. Сопоставляя ряд данных, главным образом эпиграфических, она показывает стремление аристократии перевести своих клиентов и отпущенников в сельские трибы, менее многочисленные, чем городские, чтобы обеспечить себе там большинство (стр. 54). Сельские трибы были оплотом аристократии и сената, так как в них сосредоточивались консервативные собственники — италики. Они же играли главную роль при выборах на центуриатных комициях; напротив, городской плебс преобладал в трибутных комициях, на которых обычно проводились законы, предложенные лидерами популяров. Так, единственным законом, поставленным и принятым на центуриатных комициях, был закон о возвращении Цицерона из изгнания, тогда как отправлен он был в изгнание трибутными комициями (стр. 57). Далее излагаются различные способы воздействия на голосующих — подкуп, запугивание, обращение к государственной религии, на которую нобилитет смотрел как на «опиум для народа» (стр. 77).

Не знаю, насколько можно согласиться с автором, когда она утверждает, что «в Риме не было средних классов», были только богачи и состоявший из восточных выходцев «готовый на эксцессы» нищий плебс, а средние классы сохранились только в Италии и приходили в Рим только ко дню выборов (стр. 54—55). Такое мнение о рим-

¹ L. Ross-Taylor, Party politics in the age of Caesar, Los Angeles, 1949.

ском плебсе этого времени стало почти общепринятым не только среди американских античников, которые основывают на нем свои выпады против современного пролетариата и американских жителей, не принадлежащих к «англо-саксам», но и среди «солидных» историков. Базируется оно главным образом на пристрастных речах и памфлетах тогдашних деятелей. Но если при Цезаре в Риме не было никого, кроме бездельников и грома азиатского происхождения, то откуда же через несколько десятилетий там появилось огромное количество ремесленников и торговцев, засвидетельствованное в многочисленных надписях, начиная с Августа? Кто входил в разнообразнейшие ремесленные коллегии, откуда взялось почтение к римской религии, о котором говорит сам автор? К какому народу обращался Цицерон в речах против «покушавшегося на собственность» Катилины, если перед ним были только те, кому нечего терять? Таких вопросов множество. Конечно, может быть, отряды Клодия и Милона были более заметны благодаря своему буйному поведению, но вряд ли к ним сводилось все население Рима.

Большую роль в политике того времени автор придает судебным процессам, где более свободно и широко обсуждались политические вопросы и где могли сделать карьеру будущие политики. В качестве примера автор рисует возвышение Цицерона, отнюдь не в тех житийных тонах, в которых о нем повествует судья из Огайо. Разбирая дело Верреса, автор показывает, что Цицерон выступил обвинителем, во-первых, потому, что это дело приобрело большое политическое значение и Цицерон рассчитывал приобрести друзей и среди популяров, и среди сенаторов, а во-вторых, потому, что по законам об обвинителях он после осуждения Верреса получал его место в сенате среди бывших преторов (тогда как сам был только эдилом), что сразу продвигало его карьеру (стр. 113). Далее, автор обращает внимание на тот мало известный факт, что Цицерон намеревался защищать обвиненного в вымогательстве Катилину, чтобы дать ему возможность выставить свою кандидатуру в консулы и, напугав этим оптиматов, собрать их голоса в свою пользу (стр. 118).

Лидером оптиматов автор считает не Цицерона, а Катона. Заканчивается книга главой «Катонизм и цезаризм». Катон характеризуется «не как оптимат, а как республиканец», причем, в до-гракховском понимании республики (стр. 168). Он был великим человеком и патриотом в век упадка и умер вместе с республикой (стр. 169). Цезарь же как монарх пошел по пути отождествления государства со своей «партией» (в римском смысле), сделав и сенат, и народ своими клиентами (стр. 174). «Катонизм» и «цезаризм» объединил Август, заимствовав у Цезаря положение всеобщего патрона, а у Катона — республиканизм или его видимость. Это отразилось в забвении Цезаря и культе Катона (стр. 180). Однако это обожание Катона жило лишь среди знати, народ не знал его, ничего не потеряв с заменой олигархии монархией (стр. 182).

Книга J. Росс-Тайлор, несомненно, интересна, но и в ней сказывается буржуазная ограниченность и реакционность. Первая сказала в обычном игнорировании положения и движения рабов и общих социально-экономических причин кризиса республики; вторая — в идеализации Катона и до-гракховской республики, что подходит скорее представителю сенатской историографии первых веков нашей эры, чем современному историку. Все-таки это одна из немногих написанных за последние годы на Западе книг, которая пытается поставить более широкие вопросы и разрешить их, детально анализируя источники. Другие либо фальсифицируют источники, либо пересказывают их, не задаваясь никакими вопросами.

Примером такой работы может служить книга В а л ь т е р а о Цезаре¹. На протяжении 700 страниц автор не нашел ни одной широкой проблемы, на которой счел бы нужным остановиться. Описания походов Цезаря чередуются с изложением его любовных походов. Всюду на переднем плане сам Цезарь, все остальное только фон; так, например, автор даже не упоминает о таком факте, как парфянский поход и гибель Красса. Всеми действиями Цезаря руководит с самого начала его карьеры хитрый и дальновидный расчет. Например, Цезарь решает войти в доверие Красса,

¹ G. Walter, Caesar, P., 1947.

и для этого он становится любовником его жены; с тех пор на всех проектах Красса виден отблеск гения Цезаря. Цезарю же автор приписывает и главную роль в египетском проекте; ссылаясь на Плутарха, он доказывает, что в Риме уже тогда знали, что Цезарь станет первым, хотя на самом деле в то время Цезарь еще очень мало значил по сравнению с Помпеем и Крассом. Руководящую роль приписывает Вальтер Цезарю и в заговоре Катилины, резко осуждая Цицерона как врага Цезаря. Он, между прочим, высказывает странное утверждение, что Цицерон сам натолкнул Клодия на знаменитый скандал во время празднества *Vona Dea* и даже сам одевал его в женское платье (стр. 103), чтобы осрамить Цезаря как великого понтифика. Окончательно вступает Цезарь на путь славы во время своего пропреторства в Испании, когда из изнеженного юноши он становится сильным и суровым мужем. Оказалось, что первое было только маской, под которой он скрывал планы великого завоевателя, осуществленные им в Галлии (стр. 166). Здесь ему удалось и удовлетворить личное честолюбие, и осчастливить галлов стройной монархической властью вместо прежней беспорядочной олигархии (стр. 227). Изложив все походы и деяния Цезаря, автор доходит до Фарсальской битвы и восторженно восклицает, что «от Марафона до Сталинграда человечество насчитывает не более полудюжины битв, которые в такой же мере, как Фарсальская, повлияли бы на его историю» (стр. 466). Однако почему автор приписывает такое значение именно этой битве, а не, например, Актийской, он не поясняет. Конечно, много внимания уделяется роману Цезаря с Клеопатрой, которая будто бы действительно уговорила его перенести столицу в Александрию и царить оттуда вместе с нею над миром (стр. 600). Никакой оценки дальнейшей деятельности Цезаря Вальтер не дает, ограничиваясь перечислением его законов. Книга эта в своем роде так же типична, как книга судьи Уилкина. Последняя — образец реакционной тенденциозности, первая — скучнейшего безидейного объективизма.

Мы видим, что в этих работах история последних лет Римской республики сводится, в основном, к противопоставлению Цицерона — Цезарю, «парламентаризма» — «тирании», причем симпатии авторов делятся между тем и другим или отдаются и тому и другому, как двум блюстителям «порядка», врагам «черни», лишь по печальному недоразумению не соединившим свои усилия ко «всеобщему благу». Если крайнюю «процицероновскую» позицию занимает Уилкин, то на диаметрально противоположном фланге стоит в своей последней работе К а р к о п и н ¹. Работы этого наиболее видного из современных французских античников хорошо известны и у нас. Известны и его симпатии к Цезарю, а также и его положение министра просвещения в правительстве Виши. В своем новом двухтомном труде «Тайна переписки Цицерона» Каркопино также неоднократно называет Цезаря величайшим из римлян, гением, прославляет его великодушие к врагам и т. д. Но основное внимание уделяет он не прославлению Цезаря, а обесславливанию Цицерона. Делает он это, правда, несколько двусмысленно. Нарисовав на протяжении более чем 900 страниц отвратительную карикатуру на Цицерона — человека, юриста, политического деятеля, автор на последних трех страницах пытается уверить читателя, что это лишь искаженный образ, данный в «Переписке», которому нельзя верить вполне. Однако это мало утешает поклонников Цицерона. Один из них в обширной рецензии на книгу Каркопино признается, что он «уже не может любить Цицерона так, как любил раньше» ².

В своей работе Каркопино ставит вопрос, кем и когда была издана «Переписка» Цицерона. Он отвергает мнение, что это было сделано после Тиберия, и доказывает, что ее знали Асканий, Домиций Марс — завсегдашней кружка Мecenата, что она нашла отклик в «Сатирах» Горация, использовавшего некоторые характеристики и образы из «Переписки» (юриста Требатия, богача Дамасиппа и др.). Все это приводит его к заключению, что «Переписка» была издана по инициативе Октавиана перед решительной битвой с Антонием с целью, очернив Цицерона, оправдать проскрипции и привлечь к Октавиану новых сторонников. Чем же способствовали письма Цицерона до-

¹ J. Carcopino, *Les secrets de la correspondance de Cicéron*, т. I—II, 1947.

² P. Vouancé, *Cicéron contre Cicéron*. REA, LI, No 1—2, 1949, стр. 128—138.

стижению этих целей? Во-первых, если бы они не существовали, мы бы судили об их авторе по его речам и биографии Плутарха и он представлялся бы нам искусным политиком и бескорыстным государственным деятелем. Диаметрально противоположный образ рисуют «Письма», которые заставляют считать заслуженной казнь этого «подлеца» (стр. 71). Как человек он был низкий стяжатель. Он ухитрился потратить 10 миллионов сестерциев на покупку домов и земель, служивших только развлечениям (стр. 92). Чтобы доставать деньги на свои прихоти, он прибегал к бесчестным аферам, например, взяв у Цезаря 800 тысяч сестерциев из галльской добычи, он предал его, чтобы не вернуть долга (стр. 107). В 48 г., уехав в Эпир, он просил у Аттика взаймы под свой двухмиллионный вклад у эфесских публиканов, который на самом деле уже не существовал (стр. 111). Он бросал колоссальные средства на греческие произведения искусства не из любви к ним, а из тщеславия и снобизма (стр. 126). Он много тратил на роскошный стол, одежды, на рабов, пиры (стр. 146). Чтобы нажиться, он защищал негодяев, например, он взял в 62 г. 2 миллиона у сообщника Катипины Суллы и добился его оправдания (стр. 162). Многочисленные наследства, которые он получал от каких-то темных италиков, показывают, что он помогал им в их денежных операциях (стр. 175), хотя всегда выставял себя единственным исключением из числа продажных юристов. Не брезгал он сомнительными спекуляциями через подставных лиц, например на конфискованных имениях своего подзащитного Милона (стр. 189). «Письма» позволяют сомневаться в его бескорыстном управлении Киликией; так, он «взял взаймы» у своего квестора Песцения Руфа 100 тысяч сестерциев, а затем закрыл глаза на его злоупотребления (стр. 205). Страсть к деньгам определила и его семейные отношения.

«Письма», по мнению Каркопино, разрушают и репутацию Цицерона как политика, показывая его низкие мотивы и бездарность (стр. 310). Он малодушно плачет в изгнании (стр. 319), готов выслужиться как угодно у триумвиров и по их требованию выступает в защиту лиц, которых поносит в письмах: Рабирия, Бальба, Габиния. Он готов был на все, чтобы не лишиться комфорта (стр. 351). Он всегда выжидал победы, чтобы перебежать к победителю (стр. 372). У него не было никаких достоинств и были все пороки государственного деятеля. Незачем искать глубоких мыслей в *De republica*. Знаменитая *concordia ordinum* в его «Письмах» оказывается то куцой программой союза сената и всадников, то просто темой для декламации (стр. 377). Настоящая его программа — беспринципный оппортунизм (стр. 380). Он никогда не умел разобраться в обстановке и предугадать события (стр. 386). Он не понимал ни глубокого разложения аристократии, ни значения новых завоеваний, ни силы армии, ни гениальности Цезаря (стр. 387). Он нерешителен, безволен, постоянно просит советов, бессмысленно тщеславен, двуличный друг, сплетник и клеветник (стр. 401). Такой портрет, говорит Каркопино, могла нарисовать только ненависть, и он удивляется, как до сих пор никто не заметил этого и не догадался, что здесь действовала рука Октавиана (стр. 439).

Во втором томе Каркопино переходит к рассмотрению тех выгод, которые мог извлечь Октавиан из «Переписки» Цицерона, кроме оправдания его казни. Он пишет, что многие исследователи относили публикацию писем ко времени после Тиберия, так как в них порочится Цезарь. Но, по мнению Каркопино, Цицерон не мог опорочить обожествленного гения. Черня его, он лишь обнаружил собственную подлость, неблагодарность и двуличие (стр. 11). Он льстил Цезарю и обманывал его, публично превозносил и тайне желал его смерти (стр. 22). Каркопино не сомневается в причастности Цицерона к заговору и в его завистливом торжестве по поводу смерти его «благодетеля» (стр. 32). Это обстоятельство вполне оправдало его казнь (стр. 42). Далее, «Письма» должны были заставить сторонников Антония отвернуться от него, так как содержат о нем множество унижающих его сплетен (стр. 57). Эти письма подкрепляли филиппики. В них же содержался обильный материал против Клеопатры, что также было на-руку Октавиану (стр. 61). На пользу Октавиана шли приведенные в «Письмах» характеристики неспособных, разложившихся сенаторов, описания коррупции, царившей во всех областях управления. Такая республика не могла воскреснуть

(стр. 72). Наконец, «Письма» порочили врагов Цезаря и Октавиана. Цицерон отрицает военные способности Помпея и пишет, что он служил не республике, а личной выгоде, стремясь занять место Суллы (стр. 96). «Письма» губят доброе имя Брута, рисуя его таким же корыстолюбцем, стяжателем и притеснителем слабых, какими были и другие аристократы его времени (стр. 123). Он окружен проходимцами, достойными шайки Клодия, его мать — продажная интриганка и сводня, его сестры — развратницы (стр. 130). Кто бы узнал все это о герое Бруте без «Переписки» Цицерона? — спрашивает Каркопино. Не ясно ли, что здесь преследовалась определенная цель? С другой стороны, эта же «Переписка» реабилитирует Октавиана. Он является не обманщиком, использовавшим и предавшим Цицерона, а жертвой коварства последнего. «Письма» должны были также служить ответом на пропаганду Антония против Октавиана. Из них явствует, что отец Октавиана был почтенным человеком, что сам Октавиан не отравил консула Пансу, что Цезарион не был сыном Цезаря, что Клеопатра была развратницей и т. д. Каркопино признает их шедевром пропаганды (стр. 213).

Кто же издал их? После многих изысканий Каркопино дает ответ: Аттик, Тирон и Марк Цицерон по приказанию Октавиана. Главную роль играл опытный издатель Аттик. Как же случилось, что он предал своего друга Цицерона? Очень просто, вся его подробно разобранный биография доказывает, что он был материалист и эпикуреец, а следовательно, не уважал ни государства, ни любви, ни дружбы, ни покойников, а искал только выгоды. Пока было выгодно, он дружил с Цицероном, (а затем подружился с Октавианом. К изданию он привлек Корнелия Непота, который составил свою книгу *de viris illustribus* с единственной целью написать биографию Аттика, расхвалить его и разрекламировать издание «Переписки», выставив его как плод не коварства, а дружбы (стр. 350). Впоследствии Август наново ее отредактировал, выкинув письма 64, 63, 57 и 43 гг., а также ряд других, которые могли компрометировать его и Цезаря (стр. 440). В таком виде и дошла до нас «Переписка», рисующая искаженный образ Цицерона (стр. 462).

Книга Каркопино содержит кое-какие интересные данные и остроумные сопоставления. Но в значительной мере выводы автора основаны на больших натяжках. Как правильно замечает вышеупомянутый рецензент, нужна была вся эрудиция автора, чтобы попытаться обосновать его теорию, а следовательно, ни для современников Августа, ни для последующих поколений издание «Переписки» — «шедевра пропаганды», — не достигло цели, предполагаемой Каркопино. Как мы видим, до сих пор у Цицерона много поклонников. Ни для кого из римлян его образ не был опорочен «Перепиской», как не был опорочен образ Брута. Брут остался символом тираноборства не только для римской сенатской традиции, не только для деятелей Французской революции, но и для одного из современников и соотечественников Каркопино. Не примирившись, подобно ему, с нацизмом во Франции, он посвятил Бруту в общем довольно мало ценную, скорее психологическую, чем историческую, книгу¹. В ней он пишет, что, может быть, история показала неправоту Брута, но он, переживший ужас полицейского гнета, страх перед застенками гестапо, все-таки сочувствует Бруту (стр. 225). Много натяжек и в самих сопоставлениях фактов и толковании «Писем», например «Писем», которые, по мнению Каркопино, подтверждают участие Цицерона в убийстве Цезаря. Совсем уже тенденциозной натяжкой надо признать объяснение роли Аттика его материализмом и эпикуреизмом. Будучи врагом материализма, Каркопино повторяет нелепые филистерские басни, осмеянные еще некогда Плехановым, о том, что материализм оправдывает всякую беспринципность личной материальной выгодой.

Восхищение Цезарем заставляет Каркопино относиться к Цицерону слишком пристрастно и искажать источник в той же мере, в которой искажает источники и историческую истину из прямо противоположных побуждений и чувств Уилкин.

¹ R. Breuil, Brutus, 1945.

Укажу еще на книгу Женеьевы Фостер об Августе¹. Она написана в популярно-художественном, полунаучно-популярном стиле и должна, по замыслу автора, дать картину всего человечества в период от смерти Цезаря до смерти Августа. Попутно описываются разные замечательные лица, жившие и раньше. Книга разбита на множество маленьких главок-рассказиков с «завлекательными названиями», например — «Под счастливой звездой» — визит Октавия и Агриппы к астрологу в Аполлонии; или «Кровавые отпечатки пальцев» — проклятия триумфаторов и т. д. Наибольшее внимание уделено «романическим историям» — романам Цезаря и Клеопатры, Антония и Клеопатры, Антония и Октавии, Ирода и Мариамны, а также гороскопам, друидам, Конфуцию, Будде, Митре, Эхнатону и т. п. Объяснения событиям даны соответственные: Цезарь решил стать монархом, чтобы понравиться Клеопатре; Антоний взял себе Восток и отдал Октавиану Запад, чтобы отдохнуть от Фульвии, и т. п. Книга снабжена многочисленными иллюстрациями, исполненными самой Ж. Фостер. Брут нарисован с кинжалом, Вергилий — в задумчивости над «Энеидой», грызущий стилос; триумфаторы — в шлемах, пишущие за круглым столиком; Юлия и Друз — в детстве с куклой и лошадкой; Страбон — на верблюде и т. д. Книга эта интересна только как образец того, как препарируется история для американца.

Обзор этих нескольких книг, посвященных Цицерону и Цезарю, показывает нам, что древняя история сейчас, как и прежде, остается неизменным арсеналом, из которого заимствуют свое оружие представители самых различных течений и направлений. Чем острее становится борьба, тем с большей страстью обсуждаются проблемы античности и с тем большим пристрастием рисуются портреты античных деятелей, поскольку в них пытаются видеть прообразы проблем и деятелей современности. «Демократы» превозносят «парламентария» Цицерона; «завоеватели» — Цезаря; те и другие — «усмирители черни» всех категорий. Все меньше считаются они с источниками, все менее утруждают себя серьезным, кропотливым историческим исследованием, заменяя факты «чувствами» и анализ — политическими страстями. В поисках дешевой сенсации и эффекта они отказываются от выяснения положения широких масс и их роли в событиях, от характеристики, социальной и экономической, того периода, о котором они пишут.

Е. М. Штаерман